

ЧАС ИСПРАВЛЕНИЯ СУДЬБЫ

Нынешним летом — в июле — вернулась жить в Магнитогорск поэтесса Римма Дышаленкова. Член Союза писателей России, автор четырех поэтических книжек считает наш город родной своей поэзии. По словам Риммы Андрияновны именно в Магнитке, под присмотром Бориса Ручьева и Владилена Машковцева, рождались ее первые стихи.

Семь лет назад поэтесса уехала из Магнитки в Челябинск, хотя никогда не имела пристрастия к перемене мест. Так уж вышло. Не по каждому поводу следует ворошить прошлое. Но все же в конкретном случае очевидно: Магнитка «болела» в то время далекими от поэзии и культуры заботами. Политика, экономика, экология — весь мир мы рушили «до основанья, чтоб затем» нам «наш», нам — «новый мир» построить...

Тогда сильным мира казалось, что в такой момент не время и не место думать и заботиться о поэзии и культуре, о поэтах. Все живые голоса заглушал шум митингов и политических дискуссий. Потому — то отъезд Риммы Дышаленковой глубоко переживала лишь влюбленная в поэзию и литературу часть интеллигенции города.

Когда от нас уезжают ученые, инженеры, мы ощущаем, что теряем голову. Когда покидает родную землю поэт, от нас отлетает душа... К сожалению, это понимание приходит к нам подчас с большим опозданием.

Писать о поэте сложно и трудно. И поэтому я иду по наименее сложному пути: вспоминаю сама и хочу напомнить тем, кто любил бывать на «посиделках» у Риммы — сначала в коммунальной квартире на улице Уральской, затем в квартире «дома с петухами» на улице Правды, — необыкновенный свет и тепло наших многочасовых бесед.

Сюда, на Риммин огонек, собирались журналисты, кинооператоры, художники, поэты, искусствоведы, инженеры, врачи, учителя, рабочие... Приходили с детьми, дабы и они «приобщились к умным разговорам и мыслям». Это можно было бы назвать литературно-музыкально-духовным салоном Магнитки, но — и очень жаль — сейчас мы так не говорим.

Энциклопедическая эрудиция Риммы Андрияновны, ее редчайший талант не только найти общую для всех тему беседы, но и поднять на удивительную духовную высоту, опозитивировать

обычный житейский разговор, привлекали в ее дом самых разных людей. Негромкий глуховатый голос хозяйки никогда «не забивал» бурных и порой шумных споров. А когда, спохватившись, мы начинали извиняться, она говорила:

— Вы — мои гости, я за вами ухаживаю, я вас слушаю.

Слух поэта уникален. Его видение мира неповторимо и ни с чем не сравнимо. Его ощущения остры, а душа ранима. И каждый из нас в доме Риммы Андрияновны Дышаленковой учился смотреть вокруг себя и на себя по-иному, не так, как прежде.

Римма говорила:

— Да ты же светишься, как лампа!

И ты старался сблечь в себе этот удивительный взор поэта свет и подольше светиться и светить другим.

Римма говорила:

— Посмотрите: Ирочка — человек волшебного типа, она умеет выполнять желания.

И Ирочка, забыв о ночной темноте, бежала домой за банкой стуженки только потому, что кто-то вслух выразил желание попить чаю с молоком...

Общение с Риммой было необходимо всем нам, как живая вода. Мы были лишены его на долгие семь лет. Творческая интеллигенция города потеряла, помимо этого, и место для встреч, обмена мнениями, своеобразный «аккумулятор» для зарядки духовной энергией. Мы все словно осиротели.

Работая в Челябинске, Римма Андрияновна хранила верность Магнитогорску. Мы не проходили мимо ее гостеприимного дома, когда бывали в областном центре. А сама она каждый год приезжала к нам на праздник «Золотые костры Магнитки» и, как в прежние годы, читала свои новые стихи любимым ею металлургам:

Может, в третьем, а может быть,
в тридцать четвертом мартене,
под гурящею крышей
укрывшись от зова огня,
я читаю стихи заступающей смене,
и людское внимание холодит,
словно совесть, меня.

До сердец далеко,
огнестойка рабочая роба,
но от доброго слова
кто станет сердца защищать?
Привели тишину цеховую, непрочную, чтобы
я могла металлургам
стихи о любви почитать...

На великой и шумной земле
много дивного, чудного — вволю.
Говорили, что выпадет мне
повидать материнское поле.

И однажды, в большой листопад,
от седин вековых недалеке
вижу: матери в поле стоят,
вышли детям родным навстречу.

Их одежда черна и бела,
цвета горя и цвета надежды,
есть и вовсе сомкнувшие вежды,
вот и я в это поле вошла.

Здесь ровесницы — очи в пыли:
сыновей проводили в солдаты,
и глядят, и глядят от земли,
в золотые ее перекаты...

Стали вместе мы дая стережечь.
Вместе легче — короче равнина.
Встреч не видно, не вижу я встреч.
Вижу путь уходящего сына.

Жизнь — великий сыновний поход,
много дивного, чудного — вволю...
Кольбельную песню поет
для тебя материнское поле.

Не оставь меня без слова.
Я в его дорожке светлой
буду темное молчание
неволи избывать.

Не оставь меня без слова,
без прощального, живого,
я его водичей теплой
буду сердце омывать.

С этим словом родниковым
я сумею углубиться
в те моря, где ты погуливаешь
волнами шурша.

Удивлюсь просторной нови,
и в твоём дареном слове
будто в подочке серебрянной
утешится душа.

Древний способ связи

Отправлю мне послушные слова,
как облака, воздушной чередою.

И, наконец, благодаря неустанным хлопотам, в первую очередь Анны Александровны и Леонида Владимировича Турусовых, поэтесса Дышаленкова вернулась в Магнитку. Мэрия выделила ей небольшую квартирку в правобережной части города.

— Теперь мы снова вместе, Римма! — так скажут многие поклонники пронзительно-проникновенной поэзии Дышаленковой, друзья и ученики. А учеников у Риммы в Магнитке много: признающихся вслух, как автор этих строк, и тех, кто еще не успел признаться.

Как же воспринимает и оценивает свое возвращение сама Римма Андрияновна?

— Как возвращение из большого города домой, в «свою деревню», — сказала она во время одной из первых встреч. — Магнитка — город маленький, уютный, и его жители ближе и роднее друг другу.

Новые стихи Риммы Дышаленковой, написанные уже по возвращении, — тоже как ответ на мой вопрос.

Я на утесе горней стороны
У корня ели встану на колени.
Как чисто в Божьем храме тишины.
Среди его таинственных растений.
Ко мне течет его небесный луч.
Он освещает тьмы моих излучин.
Он изгоняет тьмы угрюмых туч.
Стирает след звезды моей падучей.
За каждый миг божественной мольбы,
За плач о том, что мерой не измерить,
Грядет час исправления судьбы,
Придет предел утратам и потерям.

Римма Дышаленкова в городе и уже начала работать. Интервью с ней вы можете прочесть на страницах газеты «Магнитострой». На Магнитогорском телевидении записана на видеопленку передача с ее участием. Она уже написала статью под названием «Люди волшебного типа», которую наша газета хотела бы опубликовать на своих страницах.

Будут встречи с Риммой Андрияновной в библиотеках, в «красных» уголках цехов и Дворцах культуры, и Римма Дышаленкова прочтет нам свои новые стихи — о любви, о красоте. О жизни.

Она работает. Она всегда много работает. Здравствуй, Римма! Мы любим тебя и рады, что ты вернулась!

В. МИНУЛЛИНА.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Они
пройдут, окно твоё откроют,
втекут, как вечер или синева.
Твои уста заблещут в серебре
любви моей, прохладной, без экстаза.
Я знаю этот древний способ связи:
зеркально-чисто думать о тебе.

Не удивляйся, если будет сон:
бесстыдный, полногубый, влажноглазый,
все это — только древний способ связи,
помехи через низкий небосклон.

Священный брак — духовный наш союз,
свершился там, где поднебесный вечер.
И я боюсь твердыни человеческой,
и встречи соблазнительной боюсь.

Но каждый миг твой образ в ворожке.
Прозрачный, как вода
в хрустальной вазе...

Ты слышишь ли
мой древний способ связи:
я думаю, любимый, о тебе.

И степь...

Теперь не избежать слияния
небесным нашим берегам.
Мы будем бегать на свидания,
минуя степь, по облакам.

Теперь и степь не одинока,
глазами ты ласкаешь степь,
вдвоем на облачке высоком
мы будем рядышком лететь.

Зарницами любви играя,
влюбленные за нами вслед
потянутся, холма считая,
собою украшая степь.

Небес и трав у изголовья
великий тихий океан.
Любимый, ты мне Богом дан
с твоей бескрайней любовью.

Влюбленные в озеро тихо вошли,
любовно вздохнули озерные дали,
и рыбки — посланцы Истока любви —
стопы целовали.

Лучились влюбленных тела и следы,
с лучами от солнца они совпадали,
и в блеске небесном, и в тайне воды
лучи танцевали.

И гуси, и лебеди, и журавли
влюбленных встречали, не зная испуга,
курлыча, они дополняли друг друга,
ликуя, они поклонялись любви.

И пара неведомых нам лошадей,
мерцая глазами, пришла к водопою,
они любовались тобою и мною,
как парой своих ненаглядных детей.

Короткое лето — священные дни.
Глубокое в лоно любви погружение,
высокое, выше небес, озарение
на озере — острове нашей любви.

У зимы с летом

У зимы с летом
Лада нету,
То злобный ветер,
То мокрый снег.
В моих глазах — слезы,
В твоих глазах — пепел.
В моих глазах — счастье,
В твоих глазах — гнев.

Но если у лета
С зимой Лада нету,
Зачем же по свету
Нам рядом идти?
Ты счастлив весной,
Я счастлива летом,
А ты мне зимою грозишь на пути.

От ссор и печали
Мы желтыми стали,
Как листья, опали
Приметы любви.
Ужель уже осень?
А мы не смеялись,
Мы не целовались...
И мы — не цвели.

«Венерин башмачок»

Тут сам Великий Ткач
измучился идеей,
как удержать Венеру
хотя бы на часок,
и выдумал цветок,
конечно, — орхидею —
изящную затею:
«Венерин башмачок».

Мы слышали, как Бог
рыдал над цветоножкой,
он радости Творца
перенести не мог,
и в воздухе ловил
божественные ножки,
и к сердцу прижимал
«Венерин башмачок».

Опять пришла весна
под плеск аплодисментов,
играя и любя,
мир сотворяет Бог.
Он ветренице вновь
повязывает ленты,
вокруг прекрасных ног
сплетая башмачок.

Радость

Радость божьего привета
разливается с зарей,
Океан живого света
тихо плещет над землей.
Это плещущее пламя
все живое веселит,
радость водам, радость камню,
радость воздуху дарит.

Сам ли Бог посредством солнца
так ласкает небосвод?
Дух ли так его смеется
и на землю радость льет?
Оле! Солнечные силы
всем вы милы, всем сродни,
все мы — дивного светила
негасимые огни!

Потоп

Спрут циклона в небесах,
твердь небесную размывло.
Милый, будто Карабах,
беспощадный и постылый.

Руки к небу подниму,
опущу глаза к могилам:
милый, ты меня помилуй,
не случай на небе тьму.

Топь да небо, дождь и мгла,
дом циклоном раскачало.
Милый, ты мое начало,
милость мне твоя нужна.

Я воскресну, будет даль
непосильная по силам.
Только ты меня помилуй,
утоли мою печаль.

Спрут циклона в небесах
вьет и гонит злые силы.
Милый, ты меня помилуй
милосердием Отца.

Голос Бога — тишина,
тишине его доверься
и увидишь: бьется сердце,
как Младенец у окна.

Наш Младенец у окна,
на виду размытой тверди
плачет, просит милосердия
от тебя и от меня.

Огненные девы

На ладони то круг, то квадрат!
Милый мой, это ты виноват,
ты открыл запрещенные знаки:
если брошусь из дома в огонь,
не устраивай грозных погонь, —
Саламандра исчезла во мраке.

Ты расплавишь в печи самоцвет,
ты планеты оправишь в браслет,
ты найдешь разъяренную львицу,
закольцуеть то в круг, то в квадрат,
и браслеты твои зазвенят
на ногах огневой танцовщицы.

Укрощению огненных дев
посвящай осторожный напев,
заплетай полуючную сказку,
Пусть горит, будто свечка одна,
будто печка родная жена,
чтоб огонь и в тебе не погаснул.